

А.Ю. Шевяков

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН

Экономическое неравенство: тормоз демографического роста

Условия и предпосылки развития человеческого потенциала определяются не только количеством, но и характером распределения ресурсов между людьми. От характера этого распределения развитие зависит не меньше, а даже больше, чем от количества ресурсов, и в конечном итоге зависит и сам экономический рост⁵.

И показателем «качества» такого распределения, который определяет целый комплекс социальных проблем (уровня и качества жизни населения, воспроизводство человеческого капитала, экономическое и репродуктивное поведение население и т.д.), является неравенство доходов населения. Роль неравенства в определении совокупных функциональных возможностей населения выражается в том, что при одних и тех же интегральных значениях фундаментальных факторов (ресурсов) общий уровень осуществимости и доступности каждой из значимых для развития человеческого потенциала функций может варьироваться в широких пределах.

Являясь таким системным и, по существу, определяющим динамику социально-экономических факторов, неравенство доходов почти всегда оставалось на периферии поля зрения не только социальной политики, но и экономической теории.

Сегодня в реальной политике, ориентируясь на абсолютные показатели уровня жизни и связывая его повышение только с экономическим ростом и наличием ресурсов, правительство не принимает во внимание неравенство и оно не включено в перечень показателей, подлежащих мониторингу и управлению.

Отсутствие четких, научно обоснованных представлений о прямых и обратных связях неравенства и социально-экономической и демографической динамики давало почву существованию неверных, глубоко ошибочных точек зрения, которые легли в основу

социально-экономической политики. Общим следствием проводимой в стране социальной политики являются острые социально-экономические диспропорции в социальной сфере, которые выражаются в первую очередь в избыточном экономическом неравенстве доходов и бедности населения, беспредельно высоком неравенстве в распределении собственности и сегодня в связи с кризисом могут получить дальнейшее ускоренное развитие и еще больше обострить и так уже напряженную ситуацию в социальной сфере.

Суть проблемы заключается в том, что существующие сегодня механизмы формирования и перераспределения доходов населения настроены и работают в пользу богатых, большая доля совокупного роста доходов уходит на рост доходов наиболее обеспеченных слоев населения, а на повышение доходов наименее обеспеченных остаются крохи⁶.

В настоящее время это неравенство продолжает расти. Так, коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в РФ давно превысил критический (по отношению к экономическому росту) уровень, определенный Мировым банком в 0,4 (World Bank, 2006), и, по данным Росстата, этот уровень продолжает увеличиваться (табл. 1). То же самое можно сказать о коэффициенте фондов, небольшое снижение которого зафиксировано в кризисный 2009 г.

Наши оценки неравенства значительно выше. Для корректных оценок неравенства, в том числе и с точки зрения международных сопоставлений, надо учитывать, во-первых, располагаемые, а не номинальные доходы, а во-вторых, разницу более чем в два раза в уровне инфляции для бедных и богатых (Шевяков, Кирута, 2002, 2009; Шевяков, 2008).

С учетом только этих факторов реальное неравенство (в значениях коэффициента фондов) оказывается почти в полтора раза выше – сегодня это 23–24 против 16,7, по оценкам Росстата.

⁵ Если говорить о ресурсной составляющей социальной политики, то ее основу составляют бюджет и доходы населения. Здесь мы не рассматриваем вопросы формирования и распределения бюджета по социальным статьям – это тема для отдельного разговора. При всей их значимости острота проблем в сфере распределения и перераспределения доходов населения и их обратного влияния на экономические и демографические процессы значительно выше.

⁶ Так, например, в 2008 г., по расчетам российской экономической школы, «золотой миллион» (примерно 0,7% населения) получал 30% всех доходов населения! При этом оценки были сделаны без учета дохода от роста стоимости капитальных активов и других доходов, не отражаемых в российской статистике.

Таблица 1
Коэффициент Джини и коэффициент фондов для Российской Федерации

2009	0,422	16,7
2008	0,422	16,8
2007	0,423	16,8
2006	0,416	16
2005	0,409	15,2
2004	0,409	15,2
2003	0,403	14,5
2002	0,397	14
2001	0,397	13,9
2000	0,395	13,9
1999	0,4	14,1
1998	0,394	13,8
1997	0,39	13,6
1996	0,387	13,3
1995	0,387	13,5
1994	0,409	15,2
1993	0,407	13,5
1992	0,289	8
Коэффициенты		
Коэффициент Джини, январь–декабрь		
Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения), январь–декабрь		

⁷ Европейское статистическое агентство рассчитывает долю населения с доходами менее 50% среднедушевого дохода в стране. Считается, что человек с таким уровнем доходов подвергается потенциальному риску бедности. По данным Росстата, среднедушевые номинальные денежные доходы населения в 2009 г. составили 16 886,5 руб. в месяц. Если ориентироваться на данный подход измерения бедности, то границей бедности будет считаться половина среднедушевого дохода – 8443 руб. Значит, в России доля потенциально бедного населения в 2009 г. составляла более 30% (более 42 млн человек).

⁸ Так, в самом богатом регионе – в Москве, где уровень доходов в 3 раза превышает средний по стране, – неравенство почти в два с половиной раза выше среднероссийского.

⁹ Анализ показывает, что, для того чтобы приблизить *относительное* соотношение доходов разных групп населения к западноевропейским стандартам, необходимо почти в 3 раза в среднем поднять доходы 75–80% населения, начиная с самой низкодоходной группы, с постепенным убыванием этого коэффициента вплоть до восьмой группы, и ограничить, не выходя за рамки существующих в этих странах нормативов, доходы только 15–20% богатого населения. Особо значительна эта разница для Москвы: здесь доходы нижней группы необходимо поднять почти в 7 раз.

Если же говорить о показателях бедности, рассчитываемых по методике ЕС⁷, то численность относительно бедного населения России неуклонно продолжает расти, и тем больше, чем выше экономический рост и богаче регион⁸ (рис. 1).

С точки зрения нормальной экономической логики (тем более логики социального государства) это представляется просто абсурдным и показывает, что деформация распределительных механизмов, связанная прежде всего с концентрацией доходов богатых, достигла такого уровня, когда по мере экономического роста не происходит снижение неравенства и бедности.

Итак, **на сегодняшний день мы видим, что основная проблема неравенства и бедности населения лежит не в плоскости недостатка ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения.** Этот вывод представляется очень важным в условиях, когда кризис ограничивает возможности дальнейшего роста бюджетных расходов государства на социальные нужды.

Международные сопоставления с развитыми странами показывают кардинальные отличия характера обеспеченности различных групп населения РФ от населения США и Европы, в том числе резкий, все увеличивающийся крен распределения доходов в пользу 15–20% богатого населения, и позволяют получить представления о характере и масштабах таких институциональных изменений⁹.

Однако, кроме достижения европейских стандартов, существует более серьезная причина необходимости устранения высокого неравенства и бедности. Исследования в этой области, проведенные в ИСЭПН РАН в последние годы и основанные на структурном разложении неравенства, дают не только ключ к пониманию этих связей, но и позволяют с хорошей статистической значимостью дать им количественную оценку. Они вскрыли новые, неизвестные до настоящего времени закономерности влияния относительных показателей неравенства и бедности на экономиче-

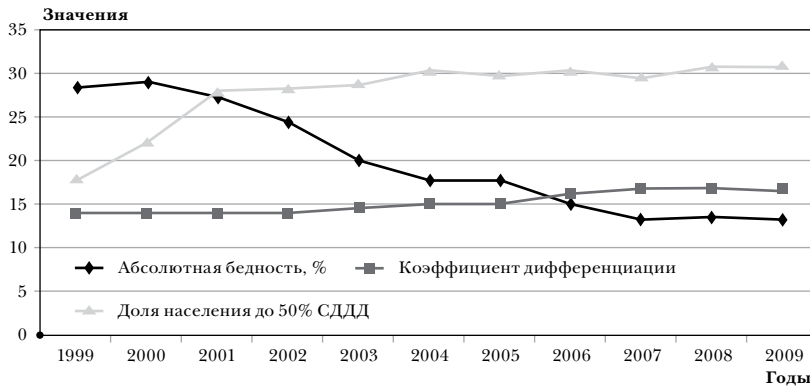

Рис. 1

Динамика неравенства и бедности (1999–2009 гг.)

ский рост, демографическую динамику и качество человеческого капитала. И здесь, как показал анализ, именно относительные показатели уровня жизни различных слоев или групп населения проявляют устойчивые и статистически значимые связи с показателями демографической динамики. Наш новый подход базируется на двух основополагающих моментах.

Во-первых, как показали многочисленные исследования, общие показатели неравенства (например, коэффициент Джини или дифференциации) не проявляют заметных статистических связей ни с показателями экономического роста, ни с демографической динамикой. Дело в том, что показатель неравенства может быть одним и тем же в двух диаметрально разных ситуациях: когда много богатых и мало бедных; когда много бедных и мало богатых. А само влияние неравенства на экономическую и демографическую динамику также носит двоякий характер. с одной стороны, возможность достижения высоких доходов и потребительских стандартов стимулирует людей на более качественный, квалифицированный и интенсивный труд, что положительно влияет на экономический рост, с другой стороны, часть населения, живущая за чертой относительной бедности, испытывает нейро-психологическую

напряженность, связанную с низкой оценкой социальных перспектив, безвыходностью социально-экономического положения, отсутствием путей для желаемой реализации своего человеческого потенциала. Эффект негативного социального напряжения подобен эффекту тяжелой депрессии, при которой утрачивается ценность жизни.

Во-вторых, для разделения положительных и отрицательных эффектов неравенства и выявления статистических зависимостей мы производим разложение общих показателей неравенства на структурные компоненты. Это делается исходя из того, что различным видам экономического, социального и демографического поведения населения соответствуют определенные функциональные границы, или пороговые уровни, доходов, переход через которые необходим для полноценного осуществления соответствующих видов поведения¹⁰. Определение такой функциональной границы для каждого вида активности позволяет не просто фиксировать размеры существующего неравенства, а подразделять его на нормальное и избыточное неравенство с точки зрения осуществимости человеческих возможностей¹¹. Неравенство доходов выше функциональной границы мы интерпретируем как нормальное, а неравенство доходов ниже нее — как избыточное.

¹⁰ Наш подход развивает теорию человеческих возможностей Амартии Сена (2004), в которой осуществимость тех или иных функциональных возможностей человека связывается не просто с уровнем его дохода, но с его положением в распределении доходов в обществе. Инновация нашего метода состоит в том, что с помощью введения понятия функциональной границы и соответствующего разложения неравенства на нормальную и избыточную составляющие мы придаем идеям Сена операциональное содержание, включая возможности статистического измерения и использования соответствующих показателей при разработке прогнозов.

¹¹ Так, из совместного анализа значений функциональных границ по экономическому росту и демографической динамике и соотношений доходов по децильным группам населения с этими функциональными границами следует, что значения таких границ в 2–2,5 раза превосходят прожиточный минимум и составляют 60–70% среднедушевого дохода. В то же время доходы более 60% населения лежат ниже этих границ, что не позволяет этой большей части населения эффективно реализовывать себя в экономике и накладывает ограничения на их здоровье и репродуктивное поведение.

Таблица 2

Показатели	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Абсолютная бедность, %	28,4	29	27,5	24,6	20,3	17,6	17,7	15,2	13,3	13,4	13,2
Коэффициент дифференциации	14,1	13,9	13,9	14	14,5	15,2	15,2	16	16,8	16,8	16,7
Относительная бедность, к 50% СДД	18	22,2	28	28,5	28,9	30,4	29,9	30,3	29,8	30,8	31

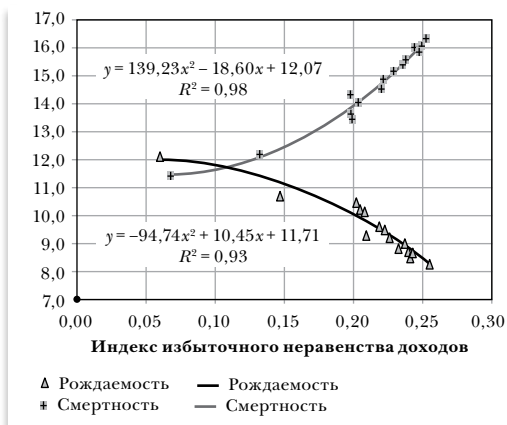

Рис. 2

Зависимость рождаемости и смертности в России в 1991–2005 гг. от избыточного неравенства доходов по соответствующей функциональной границе (на 1 тыс. населения)

Именно после такого подразделения (на основе статистической оценки соответствующих функциональных границ и их изменчивости при изменяющихся условиях) объяснение воздействия неравенства на макроэкономические и демографические показатели приобретает окончательную ясность, которую искали и не могли найти многочисленные исследователи.

На основе этой новой методологии были проведены обширные исследования взаимосвязей структурно-функциональных характеристик экономического неравенства с показателями социально-экономического и демогра-

фического развития как России в целом, так и отдельных регионов. Анализ таких связей показал, что нормальное неравенство всегда обнаруживает себя как позитивный фактор, а избыточное неравенство — как негативный, и динамика социально-экономических и демографических процессов хорошо объясняется динамикой соотношений между этими факторами¹².

То обстоятельство, что в объяснении динамики рождаемости и смертности основную роль играют именно относительные показатели, показывает диаграмма на рис. 2 и табл. 2. Как показывают нелинейные регрессии, динамика коэффициентов рождаемости и смертности с высокой степенью статистической значимости объясняется соответствующими индексами избыточного неравенства.

Количественная оценка эффектов взаимодействия социальных и экономических факторов позволяет утверждать, что факторы избыточного неравенства и высокой относительной бедности являются определяющими в объяснении динамики социально-экономических и демографических показателей.

Выявленные статистические зависимости позволяют говорить об исключительной значимости фактора неравенства в российских условиях: при оптимальном перераспределении доходов, снижающим величину коэффициента дифференциации до 7–10, при годовом росте реальных доходов на 10%, в принципе, можно было бы выйти на положительный естественный прирост населения в размере 3,3 промилле¹³.

¹² Тот же самый вывод следует из анализа по странам мира, где показатели нормального и избыточного неравенства позволяют с высокой точностью отразить влияние неравенства на уровень продуктивности экономики и экономического роста.

¹³ Что касается взаимосвязи структурно-функциональных компонент неравенства с демографическими показателями, то здесь эконометрический анализ позволил дать четкую статистическую оценку интуитивным представлениям о роли и механизмах воздействия социально-экономического неравенства и бедности на показатели рождаемости и смертности. Детальный анализ зависимости коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста населения от различных показателей неравенства, уровня жизни и бедности показывает, что абсолютные значения этих показателей не проявляют статистически значимых корреляций с показателями рождаемости и смертности, в то время как относительные объясняют 85–90% их изменений. Предварительный ретроспективный анализ показал, что в среднем снижение избыточного неравенства (как компоненты индекса Джини) на 10% влечет за собой повышение рождаемости на 0,42 промилле и снижение смертности на 0,56 промилле. Или, что эквивалентно, при снижении избыточной компоненты индекса Джини на величину 0,1 рождаемость увеличивается примерно на 2 промилле, а смертность снижается примерно на 3 промилле. На первый взгляд, демографические показатели на порядок менее эластичны по избыточному неравенству, чем экономические, хотя изменения избыточного неравенства объясняют вариации показателей рождаемости и смертности с коэффициентами детерминации 0,93 и 0,98 (в нелинейной регрессии). Но в предварительных оценках эластичности демографических показателей по избыточному неравенству мы не учитывали, во-первых, влияние роста реальных доходов, а во-вторых, то обстоятельство, что по мере снижения разрыва между доходами богатых и бедных демографическая функциональная граница дохода тоже за-

Таким образом, можно сказать, что параметры распределительных механизмов, когда неравенство находится в пределах значений 7–9 для коэффициента фондов, являются оптимальными как в экономическом, так и в общем стратегическом (в том числе, геополитическом) плане. Именно при таких параметрах распределения большая часть населения сможет реализовывать свои чаяния в экономическом и репродуктивном поведении, сохранении своего здоровья, наращивании человеческого потенциала и т.п., и в этом смысле и общественно справедливыми.

Литература

Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. (2009). Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М студия.

Шевяков А.Ю. (2008). Неравенство, экономический рост и демография. М.: ИСЭПН РАН.

Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. (2002). Измерение экономического неравенства. М.: Лето.

Сен А. (2004). Развитие как свобода. М.: Фонд «Либеральная инициатива».

Argrow K.J., Hahn F.H. (1971). General Competitive Analysis. Edinburgh: Oliver and Boyd.

Banerjee A., Duflo E. (2000). Inequality and Growth: What Can the Data Say? [Электронный ресурс] NBER working paper 7793. Режим доступа: <http://www.nber.org/papers/w7793>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: февраль 2011 г.).

World Bank (2006). Equity and Development: World Development Report 2006. N.Y.: The World Bank and Oxford University Press.

Е.Ш. Гонтмахер

ИМЭМО РАН, Москва

Несколько тезисов о глобальных мировых трендах миграции

1. В перспективе нескольких ближайших десятилетий демография имеет критическое значение для мирового развития. В странах «восьмерки» (за исключением США) смертность устойчиво превышает рождаемость. Это же относится и к подавляющему большинству европейских стран, а также Японии. Причины этой ситуации многообразны, однако их нельзя свести только к росту благосостояния, который увеличивает продолжительность жизни, но также пока сокращает внутрисемейные планы рождаемости. Важна и сформированная к данному моменту в развитом обществе система ценностей¹⁴.

Уменьшение собственного населения стран «золотого миллиарда» происходит на фоне постоянно улучшающегося там уровня жизни (уровня потребления). При этом разрыв между этим «миллиардом» и остальным миром столь же постоянно увеличивается, что становится все более мощным фактором для легального и нелегального перетока людей из менее развитой в более развитую часть мира.

Уже не одно десятилетие наиболее развитые страны привлекают мигрантов, исходя из разнообразных соображений, среди которых можно назвать четыре основных:

- обязательства бывших метрополий по отношению к их бывшим колониям (Великобритания, Франция, Нидерланды, Португалия);
 - осознанная ставка на мигрантов как на дополнительное население (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия);
 - общегуманитарные соображения (Скандинавские страны);
 - потребности заполнения вакансий на рынке труда (все развитые страны).
- К настоящему времени в большей части развитых стран сложилась ситуация, когда скорость притока мигрантов (прежде всего за счет неконтролируемых каналов) превышает возможности их адаптации к местным ценностям и порядкам. В результате быстро формируются этнические «гетто», происходит жесткое территориальное, культурное, религиозное и языковое размежевание между мигрантами и их потомками и местным населением. Особенно это характерно для так называемых «национальных государств» (Великобритания, Франция, Германия), куда прибывают мигранты преимущественно из стран с другой культурой.

метно понижается. с учетом этих обстоятельств, при оптимальном перераспределении доходов, снижающим величину коэффицента дифференциации до 8, и при годовом росте реальных доходов на 10%, рождаемость в 2007 г. повысилась бы на 2,8 промилле – до 13,2 промилле в год, – а не до 11 промилле, как это фактически происходит. А смертность при этом понизилась бы на 6 промилле – до 9,9 промилле в год, т.е. уже в этом году, в принципе, можно было бы выйти на положительный естественный прирост населения в размере 3,3 промилле.

¹⁴ Кстати, нельзя исключить, что при определенных условиях высокий уровень жизни сможет вполне совмещаться с высокой же рождаемостью как массовым явлением. Но для этого необходимо, чтобы какие-либо очень существенные цивилизационные обстоятельства (какие именно – отдельная тема) изменили господствующие ныне ценностные установки.